

Комментарии к стихотворению Иосифа Бродского «Архитектура»

Архитектура в стихах и эссе Иосифа Бродского – не бесстрастные декорации, на фоне которых разворачивается действие. Дома, улицы и города – персонажи с неповторимым характером и лицом, любимые и не любимые.

Вот строки о Венеции:

*Шпиль, колонны, резьба, лепнина
Арок мостов и дворцов; взгляни на-
верх: увидишь улыбку льва
на охваченной ветром, как платьем,
башне,
несокрушимой, как злак вне пашни,
с поясом времени вместо рва.*
(Лагуна. 1973)

«Неудивительно, что порой этот город производит впечатление крайнего эгоиста, занятого исключительно собственной внешностью» – это о Петербурге в эссе 1979 года «Путеводитель по переименованному городу».

«Эти гигантские, насевшие на землю, не в силах от нее оторваться застывшие каменные жабы» – о мечетях Исторического полуострова Стамбула в эссе 1985 года «Путешествие в Стамбул».

*Восточный конец империи погружается
в ночь. Цикады
умолкают в траве газонов. Классические
цитаты
на фронтонах неразличимы. Шпиль с
крестом безучастно
чернеет, словно бутылка, забытая на
столе.*

(Колыбельная трескового мыса.
1976)

*И Колизей – точно череп Аргуса, в чьих
глазницах
облака проплывают как память о
бывшем стаде.*

(Римские элегии. 1981)

Образы архитектуры у Бродского можно назвать остраненными (термин Виктора Шкловского). Это свободный взгляд человека, не отягощенного штампами и стандартами.

*Дождь в Роттердаме. Сумерки. Среда.
Раскрывши зонт, я поднимаю ворот.
Четыре дня они бомбили город,
И города не стало. Города
Не люди и не прячутся в подъезде
Во время ливня. Улицы, дома
не сходят в этих случаях с ума
и, падая, не призывают к месту.*

*Июльский полдень. Капает из вафли
на брючину. Хор детских голосов.
Вокруг – громады новых корпусов.
У Корбюзье то общее с люфтваффе,
Что оба потрудились от души
Над переменной облика Европы.
Что позабудут в ярости циклопы,
То трезво завершат карандаши.*

*Как время ни целебно,
не видя средств отличия от цели,
Саднит. И тем сильней от панацеи.
Ночь. Три десятилетия спустя
Мы пьем вино при крупных летних
звездах
В квартире на двадцатом этаже –
На уровне, достигнутом уже
взлетевшими здесь некогда на воздух.
(Роттердамский дневник. 1973)*

Обыкновенно цитируют лишь вторую строфу этого стихотворения, которая иллюстрирует отношение Бродского к современной архитектуре. Но в этом произведении важна тема времени: здесь и сейчас (июль 1973 года, среда), три десятилетия назад и вечность.

Время, пространство и память в творчестве Бродского связаны с архитектурой.

Если размышления об архитектуре в стихах и эссе Бродского разных лет подобны отдельным жемчужинкам, то в стихотворении 1993 года, посвященном другу юности поэту Евгению Рейну, это ожерелье из крупных жемчужин. В 1993 году «жизни его», как писали на надгробных камнях в XIX веке, оставалось еще три года. Эти три последние годы жизни Бродского полны предчувствий смерти, что заметно по его стихам 1993–1996 годов.

*Меня упрекали во всем, кроме погоды,
И сам я грозил себе часто суровой мздой.
Но скоро, как говорят, я сниму погоны
И стану просто одной звездой.
Я буду мерцать в небесах лейтенантом
неба
И прятаться в облако, слыша гром.
Не видя, как войско под натиском
ширпотреба
Бежит, преследуемо пером.*
(1994)

Почему стихотворение об архитектуре посвящено именно Рейну? Можно только гадать. В «Рождественском романсе», написанном в 1962 году и тоже посвященном Рейну, тема архитектуры также неявно присутствует.

*Плывет в тоске необъяснимой
среди кирпичного надсада
ночной кораблик негасимый
из Александровского сада...*

«Кораблик негасимый из Александровского сада» – это о кораблике на шпилье Адмиралтейства. «Кирпичный надсад» – это, возможно, об этажах тяжелых кирпичных домов.

Архитектура города на Неве и

какое-то памятное далекое рождение накрепко связано в памяти Бродского с другом юности:

*Замерзший кисельный берег. Прячущий в
молоке
отражения город. Позвякивают куранты.
Комната с абажуром. Ангелы вдалеке
галдят, точно выпавшие из кухни
офицанты.
Я пишу тебе это с другой стороны земли
в день рождения Христа.*
(1985)

Молочные реки и кисельные берега. Ангелы, глядящие с небес. Рождественская идиллия.

Через восемь лет стихотворение, вновь посвященное Рейну, начинается так: «Архитектура – мать развалин...» В 1962 году жизнь надежд, в 1993-м смерть где-то рядом. У Гарсия Лорки есть строки в стихотворении «Малагенья»: «А смерть все выходит и входит, и все не уйдет из таверны...»

Смерть в поэзии Бродского постоянно где-то рядом. Она «все выходит и входит... Он чувствует ее дыхание. И потому – «Архитектура – мать развалин...»

Есть еще один смысловой план в этой строке – не всякое строение становится руиной, развалиной, которая хранит память, навеивает грусть и рождает мысли о бренности бытия. Вряд ли признанные ныне памятниками архитектуры бетонные творения Ле Корбюзье имеют шанс стать почитаемыми руинами. Иное дело – античные храмы, средневековые замки и соборы, даже развалины русских барских усадеб и церквей... Их каменные и кирпичные останки прекрасны. Впрочем, прекрасными их стали считать не так уж и давно. До начала XIX века Колизей был огромной каменоломней, а в руинах императорских форумов паслись козы.

Руины возвращаются в лоно природы. Они становятся неотъемлемой частью ландшафта, его квинтэссенцией. Ну а то, что не может быть впоследствии руиной, не является, вероятно, и архитектурой.

*...завидующая облакам,
чей пасмурный кочан разварен,
по чьим лугам
гуляет то бомбардировщик,
то – более неуязвим
для взоров – соглядатай общих
дел – серафим...*

Человеческие строения всегда «под небесами» и дерзают тянуться к звездам. Вавилонскую башню изображают утопающей в облаках. В тучах прячут свои верхушки современные небоскребы, соревнующиеся, как спортсмены – кто выше прыгнет. Интересно, какой допинг потребуется архитектуре, чтобы строения «прыгнули» еще выше?

Архитектура у Бродского завидует облакам, эфемерным, изменчивым, сиюминутным, но претендует в пределе на вечность. Но ведь и небеса с облаками – тоже символ вечности.

Облака Бродский сравниваются с пасмурным разваренным кочаном. Есть в этом сравнении запах глена. Действительно, кучевые облака часто напоминают кочаны. Вероятно, сравнение с разваренным кочаном здесь использовано, чтобы снизить высокий стиль предшествующих строк или, наоборот, подчеркнуть его. Разваренный кочан распадается, расползается. Он тоже руина, но руина призрачная.

Архитектура завидует, вероятно, не легкости и эфемерности, а способности к изменениям, к перерождению, завидует многообразию форм облаков.

Динамичные современные строения – реализация мечты о трансформациях. (Подвижные здания группы «Аркигрэм», вращающиеся здания и пр.)

Подсветка и возможность проекций на фасады изображений в современных строениях, казалось бы, уравнивает архитектуру и облака в возможности изменений. Но при этом строения теряют исконно присущие архитектуре качества. Собственно, они перестают быть архитектурными объектами и становятся объектами дизайна. Они, как в сказке Андерсена о русалочке, получив новые свойства, утрачивают прежние. Руинами, хранящими память, им уже не стать.

Интересно, что изображение облаков в архитектурной графике принято повсеместно. На фоне грозных кучевых облаков изображали торжественные классические перспективы улиц и площадей с высотными зданиями в 30–50-х годах Жолтовский, Троцкий, Рубнев, Иофан. Легкие облака почти в каждой гравюре Пиранези.

*...по чьим лугам
гуляет то бомбардировщик...*

Разбомбить город – самый быстрый способ получить развалины. Эти развалины можно законсервировать как память о войне. Но они отличаются от руин, которые образовывались постепенно. Недаром в парках XVIII века строили искусственные руины.

Как правило, то, что разрушают бомбардировщики, потом просто убирают и восстанавливают в прежнем виде строения, без которых разрушенный город не сможет возродиться к жизни: старинные дома, церкви и дворцы (Дрезден, Петергоф, Варшава, Мюнхен). Иногда, как в Мюнхене, свозят строительный хлам, оставшийся от города после бомбежек, в одно место и получают искусственную гору. В Мюнхене на такой горе построили спортивные сооружения для Олимпийских игр 1972 года и разбили парк. Модернистская архитектура этих сооружений напоминает легкие палатки. Вантовые конструкции мюнхенского олимпийского парка вряд ли станут руинами. Когда они придут в негодность, их просто снесут, а гора, хранящая память о разбомбленном городе, будет жить долго, если не вечно по человеческим масштабам.

Серафим у Бродского в небесных облачных лугах делит пространство с бомбардировщиками (Господь иногда допускает такое соседство), но этот серафим лишь «соглядатай общих дел». Синонимом слова «соглядатай» может быть «наблюдатель» или даже «надзиратель». Серафим у Бродского пассивен. Это в пушкинском стихотворении он из поэта делает пророка:

*И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И уголь, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.*

(А. С. Пушкин. Пророк)

Может быть, серафимы в XX веке изменились. Может быть, поэты не претендуют на роль пророков. Хотя...

*...лишь ты одна архитектура,
избранница, невеста, перл
пространства...*

Ритм и строй этих строк похож на оду Державина или Ломоносова. Сравним:

*О Ты, пространством бесконечный,
Живый в движении вещества,
Теченьем времени предвечный,
Без лиц, в Трех Лицах Божества!*

(Г. Р. Державин. Бог)

Ни у Ломоносова, ни у Державина нет в одах просторечия. Профанный мир всегда за границами оды. В ней царствует «возвышенный стиль».

«Избранница, невеста, перл пространства» – слова высокие, и вдруг: «губа не дура, как Тассо пел».

«Губа не дура» у архитектуры? Конечно, не дура. Ибо создания человеческого гения прекрасны. Но почему здесь у Бродского возникает ассоциация с Торквато Тассо? Может быть, Тассо ассоциировался у поэта с воспоминаниями о Венеции? Но, скорее всего, «избранницей», «перлом пространства», «невестой» Тассо называл в своих стихах женщин, которым посвящались стихи. А у тассовских красавиц наверняка была тоже «губа не дура».

Стихи Тассо о жизни, смерти и любви до сих пор распевают гондольеры в Венеции. Где, как не в Венеции, с ее богатой архитектурой, «водичкой» и тленом гниущего в воде строения, можно отчетливо ощутить близость смерти и жажду жизни, что было близко и Тассо и Бродскому.

у Бродского архитектура – невеста, избранница. Это признание в любви АРХИТЕКТУРЕ.

Высокое и низкое, профанное и божественное в поэзии Бродского рядом. Как в жизни. Но и в архитектуре высокое и низкое рядом.

*...безмерную являя храбрость,
которую нам не постичь,
оправдываешь местность, адрес,
рябой кирпич.*

Как можно человеческим творениям соревноваться с красотой и гармонией природы? Воистину нужна безумная храбрость, безрассудство и то, что называется «губа не дура», то есть понимание прекрасного. Архитектура, вторгаясь в ландшафт, преобразует его, привносит смысл и становится частью этого ландшафта. Без нее ландшафт прекрасен, но с ней он преобразен и одушевлен. Архитектура – его жемчужина (перл пространства). Всегда ли? Конечно, не всегда. Но в возвышенных стихах, в одах АРХИТЕКТУРЕ – ВСЕГДА.

«Рябой кирпич» – спрессованная в параллелепипед и обожженная глина неоднородна, ряба и шершава. Кладка из кирпича рябит. Кирпич, изобретенный несколько тысячелетий назад – заменитель камня. Здания из кирпича живут долго. Однако кирпичные руины выглядят гораздо менее эффектно, чем каменные. Вилла Тиберия на Капри расположенная на скале, была построена из кирпича. Остатки сложной кирпичной кладки и рядами уложенные каменные блоки

фундамента – все, что осталось. Но кирпич кажется рядом с камнями легковесным.

Вряд ли бы толпы туристов шли несколько километров по жаре, если бы они не знали, что эти развалины – вилла императора Тиберия, что здесь бывал Калигула... Если бы им не рассказывали, указывая на камни: здесь был зал, украшенный разноцветным мрамором, здесь были помещения наложниц, они бы оценили только гармонию этих развалин со скалой и небом. На самом деле и этого бы хватило многим для того, чтобы ощутить грусть по былому. Но большinstву нужны сказки.

В стихотворении 1983 года «Сидя в тени» Бродский пишет:

*Остекленный кирпич
царапает голубой купол как паралич
нашей мечты собой
пространство одушевить;
внешность этих громад
может вас пришибить,
мозгу поставить мат.*

*Новый пчелиный рой
эти ульи займет,
производя живой,
электрический мед.
Дети вытеснят нас
в пригородные сады
памяти – тешить глаз
формами пустоты.*

Эти строки уже о современных строениях. Большой вопрос, можно ли их назвать архитектурой.

*Ты, в сущности, то, с чем природа
не справилась. Зане она
не смеет ожидать приплода
от валуна,
стараясь прекратить исканья,
отделиться от суеты.
Но будущее – вещь из камня,
и это – ты.*

Строительство – дело человеческих рук. Архитектура – явление магическое, божественное. Камни не могут быть порождающим началом. «Приплод от валуна» невозможен. Хотя именно камни, поставленные вертикально издревле в самых различных культурах, являлись фаллическими символами. Эти устремленные в небо менгиры – мольба о «приплоде», вечное напоминание о том, что рождение новой жизни – великое таинство.

Архитектура способна оживить и одухотворить камни. Там, где есть архитектура, или была жизнь, или есть жизнь. Следствие жизни – суета, которую прекратить без того, чтобы жизнь перестала существовать, невозможно:

*...будущее – вещь из камня,
и это – ты.*

Что прочнее камня? Вещь из камня – то, что останется как материальная память, без которой человечество утрачивает культуру. Материальная память в каменных строениях прошлого, в руинах.

Бродский ушел из жизни в 1996 году. На его могиле на кладбище в Венеции камень с надписью. А рядом с камнем почтовый ящик и шляпа – свидетельство отчаяния его почитателей.

Дворцы и каналы Венеции увидят внуки и правнуки Бродского. Камень на его могиле будет напоминать о поэте долго... Шляпу и почтовый ящик – рано или поздно уберут. Для вечности эти предметы, в отличие от камня, не подходят.

*Ты – вакуума императрица.
Граненостью твоих корост
в руке твоей кристалл искрится,
идуший в рост
стремительнее Эвереста;
облечись в пирамиду, в куб,
так точится идеей места
на Хронос зуб.*

Императрица вакуума. Выражение темное, поскольку вакуум – нечто, лишенное атмосферы, беспредметная субстанция... Возможно, здесь вакуум – синоним пространства. Архитектуру в XX веке определяли как искусство организации пространства. И если архитектура организует пространство, стало быть, она властвует над ним.

Граненостью твоих корост...

В этой строке основной смысл в выражении «граненостью». Архитектура геометрична, ее формы стремятся к идеальным телам – кубу, пирамиде. Отсюда граненость. Но рядом стоит слово короста. Есть в нем ассоциации с болезнью, с гноем. Коростой затягиваются раны. У Маяковского поселок «горбился крыш корою». Кора и короста однокоренные слова. Когда смотришь на город с высоты птичьего полета крыши, особенно черепичные, напоминают кору. Или, если угодно, коросту.

*...в руке твоей кристалл искрится
идуший в рост
стремительнее Эвереста...*

Эти строки написаны высоким стилем оды. Архитектура представляется античной богиней, держащей в руках магический растущий кристалл. Но, может быть, и другая ассоциация: современные стеклянные небоскребы, рядом с которыми творения Миса ван дер Роэ кажутся наивными и милыми.

*...облечись в пирамиду, в куб,
так точится идеей места
на Хронос зуб.*

Архитектура в своем пределе претендует на вечность, она не сиюминутна. Гора без средневекового замка прекрасна. Но башни замка, его стены придают смысл месту, подчеркивают достоинства места, выявляют его идею. Слово «выявлять» появилось в архитектурной теории в начале XX века, когда «ниспровергатели основ и строители нового мира» пытались искать идеи и образы в сочетаниях чистых геометрических форм:

...облекшись, в пирамиду, в куб...

Архитектура, как правило, использует сочетания геометрических тел. Вероятно, таково человеческое представление об упорядоченности внешней оболочки жизни. Недаром геометрические тела и симметрию называли божественными.

...так точится идей места на Хронос зуб.

Есть выражение «гений места», «дух места». Дух места архитектор должен чувствовать, иначе его строение будет чуждо ландшафту. Строение может стать неотъемлемой частью ландшафта и тогда оно может претендовать на долгую жизнь, в человеческом масштабе на Вечность, то есть может «точить на Хронос зуб». В греческой космогонии Хаос породил Время – Хронос. А бог Кронос, согласно мифу, пожирал своих детей.

Рожденная в воображенье, которое переживешь, ты – следующее движенье, шаг за чертеж естественности, рослых хижин, преследующих свой чердак, – в ту сторону, откуда слышен один тик-так.

Творцы архитектуры уходят. Шедьвы, рожденные в их воображении, переживают своих создателей. Чертеж – условность, фиксация замысла. Долгое время архитектура обходилась вообще без чертежей. То, что получается в результате реализации замысла, зафиксированного в чертеже, живет своей жизнью. Но можно понять и так: «шаг за чертеж естественности» – новая реальность, ноосфера, создаваемая человеком.

...рослых хижин, преследующих свой чердак...

Высотные здания, стремящиеся в небеса, «в ту сторону, откуда слышен один тик-так».

Архитектура стремится в своем пределе к существованию в вечности. И это одно из ее основных свойств в человеческой цивилизации. Исчезнет архитектура – исчезнет и цивилизация.

Вздыхая о своих пенатах в растительных мотивах, etc., ты – более для сверхпернатых существ насест, не столько заигравшись в кукол, как думая, что вознесут, расчетливо раскрыв свой купол как парашют.

Пенаты архитектуры – природа. И потому растительные мотивы в различных архитектурных элементах и декоре используются повсеместно

Для сверхпернатых – для ангелов. Ангел на обелиске или шпиле – частый мотив.

...не столько заигравшись в кукол...

Амбиции архитекторов «сверхпернатых» могут казаться игрой в куклы. Но надежды на вечность у архитектуры есть всегда. Купола, вознесшиеся на огромную (по человеческим масштабам) высоту нередко по своей форме напоминают парашюты. А парашют, как известно, сдерживает свободное падение и не дает человеку, прыгнувшему с огромной высоты, разбиться.

Шум Времени, известно, нечем парировать. Но, в свой черед, нужда его в вещах сильнее, чем наоборот: как в обществе или в жилище. Для Времени твой храм, твой храм родней как собеседник тыщи подобных нам.

Вещи переживают человека. Их век может быть очень долгим. И мы в музеях смотрим на тысячелетний храм с грустью. Без старых домов и храмов города теряют память. Материальные свидетельства прошлого необходимы. В них, как в морской раковине, шум – «шум времени».

Что может быть красноречивей, чем неодушевленность? Лишь само небытие, чьей нивой ты мозг пылишь не столько циферблатам, сколько галактике самой, про связь догадываясь и на роль осколка туда просясь.

Красноречивая неодушевленность. Архитектура несет в себе смыслы человеческой цивилизации. Исчезнувшие цивилизации можно частично понять по их внешней оболочке – архитектуре.

...ты мозг пылишь не столько циферблатам, сколько галактике самой, про связь догадываясь и на роль осколка туда просясь.

Кто знает, сколько в галактике угасших цивилизаций. О земной цивилизации представители инопланетной жизни будут когда-нибудь

судить по осколкам земной архитектуры. Но для этого архитектура должна быть каменной. Легкие, временные, заменяемые, движущиеся и вращающиеся сооружения на эту роль не годятся.

Ты, грубо выражаясь, сыто поспатривая на простертых ниц, просеивая нас сквозь сито жил. единиц, заигрываешь с тем светом, взяв формы у него взаймы, чтоб поняли мы, с чем на этом столкнулись мы.

Простертые ниц под куполами храмов, простертые ниц перед алтарями – о чем люди молят богов? О долгих годах жизни, о сытости, о здоровье. О долгой жизни как о даре. По времени существования и дома, и храмы превосходят человеческую жизнь. Они почти вечные, если построены из соответствующих материалов.

...просеивая нас сквозь сито жил. единиц...

Жил. единица – жаргон архитектурного авангарда начала XX века. Кто решил, что человеку достаточно 8 кв. м для полноценной жизни? Люди, «просеянные сквозь сито» этих самых жил. единиц, имеющих минимальную площадь, преодолели некий барьер. Известный ныне пианист (не будем называть его имени) вместе с мамой в советское время жил в двухкомнатной хрущевке, где рояль занимал почти полностью одну комнату. Спать ему приходилось практически под роялем. Он состоялся как пианист и теоретик музыки скорее вопреки условиям жизни, чем благодаря им. Он оказался «просеянным сквозь сито жил. единиц».

Жизнь с родителями в коммунальной квартире в «полуплота комнатах» для Иосифа Бродского тоже было преодолением, «просеиванием сквозь сито жил. единиц».

«Заигрываешь с тем светом...» Лучшие творения архитектуры называют божественными. И как рождаются ее формы, почему они именно такие, а не другие – ответа нет. Почему и в чьем воображении родилась европейская готика? Почему вдруг общество стало так нетерпимо относиться к этой архитектуре в эпоху Ренессанса?

К бесплотному с абстрактным зависть и их к тебе наоборот, твоя, архитектура, завязь, но также плод. И ежили в ионосфере действительно одни нули, твой проигрыш, по крайней мере, конец земли.

Математические идеи абстрактны и бесплотны, но не бесплодны. Иногда они способствуют рождению архитектурных идей. В результате на свет появляются вещи, совсем не бесплотные и не абстрактные. Желание отказаться от всех достижений цивилизации и вернуться к началу было сильно в начале XX века. Беспредметная живопись, архитектура, лишенная исторических смыслов, увлекала многих: эксперименты группы «Де Стил», архитекторы Малевича, стихи дадаистов, etc. Но время сыграло злую шутку с беспредметным искусством и авангардной архитектурой. Сами эти эксперименты стали приметой времени.

Проигрыш архитектуры как копейка земли – пророчество Бродского, о котором сегодня мало кто из архитекторов думает. Архитектура – обеспечивает устойчивость, она – якорь цивилизации. Об этом в последней строфе стихотворения, в котором, как в волшебном кристалле, можно увидеть всю проблематику современной архитектурной теории, пишет Иосиф Бродский.

Елена Багина / Elena Bagina